

12+

Серия
Голос тишины

ОЛЬГА КВИРКВЕЛИЯ
ВРАГИ
ДРУЗЕЙ

Ольга Квирквелия

Враги друзей

<https://litres.ru/74503228>

ISBN 9785007126038

Аннотация

Очередной этологический детектив из серии «Голос тишины». Следователь Арчил Гугунава и эксперт-этолог Ян Вагнер отправляются на Суматру с группой этологов. Их ждут встречи с орангутанами, калао, слонами, носорогами и... с международной корпорацией «Саранча»...

Содержание

Враги друзей	5
Начало, Июнь	6
В самолете	10
День первый	13
...	16
...	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Враги друзей

Ольга Квирквелия

© Ольга Квирквелия, 2026

ISBN 978-5-0071-2603-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Враги друзей

«Эта книга — результат авторского вымысла, но в её создании поучаствовали и современные технологии. Я выражаю искреннюю благодарность ИИ **ChatGPT**, который стал моим цифровым ассистентом: помогал собирать информацию, искал логические нестыковки в расследовании и предлагал варианты формулировок, лучшие из которых были бережно переработаны и органично вплетены в повествование. Нейросеть не заменила автора, но невероятно ускорила работу — то, на что в ручном режиме ушли бы недели кропотливого труда, благодаря ChatGPT заняло считанные часы».

Начало, Июнь

— Знаешь, Арчи, у меня есть к тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться! — сказал Ян Карлович Вагнер, эксперт-этолог, когда после работы он со своим другом и напарником, следователем по особо важным делам (важняком) Арчилом Вахтанговичу Гугунава, выходил из здания Следственного комитета РФ.

— Почему это не смогу? Я все могу! — Арчил гордо выпятил грудь и расправил плечи.

— Потому что твоя мать, многоуважаемая Тамрико, считает, что мое предложение просто замечательное. И твой сын Антон, он же Тошка, свет очей твоих, с ней совершенно согласен. Неужели ты можешь им отказать?

— Так, я начинаю беспокоиться... Что-то ты больно велеречив! Выкладывай, что задумал?

— Я приглашаю тебя провести часть отпуска в джунглях на Суматре...

— С ума сошел? В июне месяце, когда можно наконец-то побыть с сыном, поплавать в море, позагорать... Что я там не видел на твоей Суматре?

— Ну, собственно говоря, ничего не видел! Поплавать и позагорать ты можешь всегда, а вот попасть в джунгли с группой профессиональных этологов вряд ли еще удастся... Ладно, твои мать и сын тебе лучше все объяснят...

...

Сытно и необычайно вкусно поужинав, Арчил, мужчина в самом соку, крепкий и одновременно элегантный, откинулся на спинку стула и обвел глазами сотрапезников.

— Папа, а когда вы вылетаете? — спросил Тошка, нетерпеливо ерзая на стуле.

— Да не хочу я ни на какую Суматру! Я малину с куста хочу поесть! Там есть малина? —

светловолосый спортивный Ян покачал головой.

— Вот видишь?

— Па-апа, ну что ты говоришь?! Там же столько эндемиков! Ты мне фото и видео привезешь, это же такой опыт!

— Ян, ты зачем моего сына неприличным словам учишь? — грозно нахмурив брови и одновременно улыбаясь, Арчил повернулся к другу. — Какой-токой эндемика?

— Ладно, швило, давай поговорим серьезно, — Тамрико положила руки на стол, — Янек, расскажи поподробней.

— Мой друг и крупный этолог профессор Хендра Хутабарат получил грант на международную экспедицию в заказник Батанг-Тору, уникальное место, где не так давно было сделано — собственно им самим — сенсационное открытие: обнаружен новый вид орангутанов, еще более высокоразвитых. Поскольку их осталось мало, доступ к ним строго ограничен, но надо же все-таки познакомить с ними международное научное сообщество. Хендра пригласил пять крупных этологов из стран, где тоже есть джунгли, — китайца Чэ-

нь Вэя, он изучает диких слонов, бразильца Тиаго Фонеска, эксперта по ягуарам и змеям, конголезца Жан-Люка Мвелу, он спец по гориллам и бонобо, меня и Джарра Митчелла, знатока изумрудных голубей, но он неожиданно заболел. У Хендры все уже подготовлено, куплено снаряжение, построены временные стоянки на 6 человек по маршруту, завезены продукты, вода, — в общем, все... Так, с пол-тычка, найти нового участника практически невозможно, вылетать надо послезавтра. Я предложил Арчила — он же из Колхиды, а там тоже есть зона, похожая на джунгли... И в России даже визу в Индонезию получать не нужно. Хендра согласился...

— Извини, а я специалистом по каким зверям буду? — пробурчал Арчил.

— Папочка, ты будешь специалистом по этологам! Ну, пожалуйста! — закричал Тошка.

Все расхохотались.

— Ох, это точно! Этологи — ооочень странные животные! — Арчил сдался. — Если послезавтра вылетать, собраться надо. Что с собой брать?

— Зубную щетку, паспорт и побольше крепких нервов, — улыбнулся Ян. — На самом деле Хендра всё подготовил. Добавь пару комплектов термобелья, которое быстро сохнет, хорошие походные ботинки, желательно повыше. Никаких шорт — суматранские пиявки и мошкара только и ждут твои кавказские лодыжки.

— Пиявки? — Тамрико всплеснула руками и строго по-

смотрела на Яна. — Янек, дорогой, ты куда моего мальчика везешь? Арчи, сынок, я соберу тебе с собой баночку аджики и чачу. Если там нет нашей малины, то хоть микробов индонезийских погоняешь!

— Из одежды. Длинные брюки и рубашка с длинным рукавом. Ткань должна быть максимально тонкой, но плотно-го плетения и быстросохнущей. Хлопок носить нельзя — он не сохнет сутками. Обувь с глубокими протекторами для скользкой глины и дренажными отверстиями для слива воды. Сухими ноги в джунглях не будут никогда, поэтому важно, чтобы обувь быстро вентилировалась. А, и возьми свой любимый швейцарский нож. В джунглях без ножа на поясе чувствуешь себя голым. Я завтра прикуплю кое-что: тропические пиявочные носки — это плотные бахилы из бязи или парусины, они надеваются поверх обычных носков и завязываются под коленом поверх брюк. Абсолютно все вещи нужно упаковать в индивидуальные сплавные гермомешки. На всякий случай куплю проточный фильтр-помпу и пару титановых кружек — они должны быть на стоянках, но...

— А на каком языке вы будете говорить, на русском? — спросила озабоченно Тамрико.

— Нет, на английском.

— Это здорово, папа его очень хорошо знает! Ух, и впрямь настоящая экспедиция! — Тошка был в восторге, в его воображении уже возникали фантастические приключения отца и его друга..

В самолете

— Давай пока расскажу, что я успел сделать по твоему делу. — Арчил откинулся на сиденье и повернулся к Яну. — Начнем с генеалогии. Жил-был в России некий австриец Адольф Вагнер. В 1913 году он вернулся на родину, оставив годовалого сына — Генриха Адольфовича. Генриха Адольфовича, биолога, и его беременную жену депортировали в Сибирь в 1941 году — что и неудивительно: с таким-то отчеством. Там спустя несколько месяцев родился Карл Генрихович, твой отец. Адольф Вагнер в Австрии завещал свое имущество в России Генриху Адольфовичу и, если он умер — его законным наследникам, то есть Карлу Генриховичу. А имущество его заключалось в том самом доме в деревне, где мы провели вместе с Тамрико и Тошкой памятное тихое лето. В 1955 году отменили запрет покидать место ссылки, но родители Карла решили остаться в Сибири, где и умерли — отец в 1967 году, а мать в 1969. Карл Генрихович в 1959 году поехал в Москву, поступил в МГУ на биофак, где и познакомился со своей будущей женой, Марией Войцеховне Ковальской. Ее родители вернулись в Польшу в 1958 году, оставив дочери квартиру. Вот, держи ее адрес. В этой квартире ты и родился.

Ян посмотрел в иллюминатор на облака, его лицо оставалось неподвижным:

— Это я знаю, Арчил. Квартиру помню. А тайгу — нет. Почему они погибли именно там?

— А вот этого я пока не знаю. Официально они поехали туда в биологическую экспедицию от института. И кто-то очень влиятельный позаботился, чтобы они из этой тайги не вернулись. А тебя, пацана, кто-то пожалел и бросил местному леснику.

Арчил аккуратно убрал в портфель закрытую жёлтую папку с архивным номером. Ян проводил её взглядом. Его лицо оставалось бесстрастным, но пальцы чуть сильнее сжали подлокотник кресла.

— Это архивное дело? — Арчил кивнул. — Там написано, как они погибли? — тихо спросил Ян.

— Копия. Официально — несчастный случай, Ян, — Арчил выпрямился и внимательно посмотрел на друга. — Неосторожное обращение с огнём. Пожар в таёжном лагере. Всё сгорело, концы в воду. Дело закрыли за отсутствием состава преступления больше двадцати лет назад. После этого квартира в Москве попала в список выморочного имущества, а потом кем-то выкуплена.

Ян протянул руку к портфелю:

— Дай мне прочесть.

— Нет, — Арчил мягко, но непреклонно прижал ладонь к папке. — Не дам. И не проси.

— Почему? Это мои родители, Арчил.

— Именно поэтому, — Арчил понизил голос, чтобы их не

слышали другие пассажиры. — Ты был ребёнком. Твой мозг заблокировал этот кошмар, чтобы ты не сошёл с ума. Там, в твоей голове, под замком лежат настоящие детали. Но если ты сейчас прочтёшь этот фальшивый протокол, твоя память подстроится под него. Ты начнёшь верить чужим словам и навсегда сотрёшь в себе то, что видел сам. Мне не нужны их сказки про «неосторожный огонь». Мне нужно то, что помнишь ты. Вспоминай сам, Ян. По капле. По запахам, по звукам. Каждая твоя картинка из детства — это наш шанс найти зацепку.

Ян долго молчал, глядя в иллюминатор на плывущие внизу облака.

— Я помню дым, — негромко произнёс он, и от его голоса повеяло старой болью.

— Ты понимаешь, Ян, местный следователь в тайге двадцать лет назад даже не удосужился составить нормальную таблицу осмотра пожарища. Написал три страницы под копирку, приложил акт о списании и сдал в архив. Но там, на пожелтевшем бланке, есть список изъятых личных вещей. И в этом списке *нет* полевых дневников твоего отца. Пропали часы, пропали карты. Лес не уничтожает вещи избирательно, Ян. Их кто-то забрал перед тем, как чиркнуть спичкой. Твой мозг заблокировал этот день, но ты был там. Вспоминай. Какого цвета был дым? Какими были звуки?

— Я постараюсь вспомнить, Арчи.

День первый

Полет, хотя и утомительный, прошел спокойно. В аэропорту друзей уже ждал Хендра, 50-летний мужчина, подтянутый, смуглый, с крупными, благородными чертами лица. На фоне штормовки ярко выделялся перекинутый через плечо улос — традиционный тканый шарф батаков.

Рядом с ним стоял Чэнь — невысокий и даже какой-то хрупкий сорокалетний этолог из Пекина в безупречно чистых трекинговых вещах. На его плече висел легкий карбоновый штатив, а на шее болталась камера последнего поколения. Он выглядел так, будто сошел со страниц каталога для путешественников, но его цепкий, сканирующий взгляд выдавал ученого, способного часами выслеживать слонов в зарослях бамбука. Пока москвичи шли к аэровокзалу, из здания вышел Жан-Люк — абсолютно спокойный темнокожий гигант, слегка старше Чэня, он почти не вез электроники, ограничившись потрепанным рюкзаком и блокнотом. Жан-Люк снисходительно улыбался суете аэропорта, а влажный, душный воздух Суматры, от которого европейцы задыхались, казалось, совсем ему не мешал. Почти сразу же приземлился еще один самолет и по трапу спустился Тиаго — кудрявый, загорелый бразилец, который, казалось, состоял из чистой энергии. Его полевая рубашка была небрежно расстегнута, из кармана торчал выдавший виды навигатор, а по-

левой рюкзак был сплошь заклеен стикерами заповедников. Москвичи зашли в здание проставить визы.

— Здравствуйте, дорогие друзья! — немного чопорно приветствовал гостей Хендра.

— Жак-Люк! Дружище! — раздался громогласный крик Тиаго, перекрывший гул самолетов.

Бразилец с размаху хлопнул гиганта из Конго по плечу, попытавшись обнять. Жан-Люк лишь монументально покачнулся, расплываясь в широкой улыбке:

— Привет, Тиаго. Вижу, твоего задора со времен Амазонии меньше не стало.

— Какой задор, амиго! Я летел через два океана, но ради суматранских леопардов готов бежать в джунгли прямо сейчас! — Тиаго экспрессивно взмахнул руками и тут же обернулся к подошедшему китайскому коллеге. — Чэнь! Мой педантичный брат! Скажи, ты взял те новые ночные тепловизоры?

Профессор Чэнь из Пекина, выглядевший безупречно, несмотря на перелет, вежливо улыбнулся. Он сдержанно кивнул Тиаго, затем обменялся уважительным рукопожатием с Жан-Люком:

— Разумеется, аппаратура со мной, коллеги. Все откалибровано и защищено от влажности. Протокол исследований у меня в планшете.

Рядом с ними молчаливой тенью высился Хендра. Он спокойно наблюдал за шумными учеными, ожидая оставшуюся

часть группы.

Из стеклянных дверей терминала быстрым шагом вышел Ян, он тепло кивнул Чэню и Тиаго, а проходя мимо Жан-Люка, встретился с ним понимающим взглядом — конголезец едва заметно прикрыл глаза, приветствуя друга без лишних слов.

Тиаго начал что-то говорить Хендре, но тут же осекся, а вежливый Чэнь удивленно приподнял брови. Прямо за спиной их молодого коллеги шел еще один человек. Арчил был совершенно не похож на ученого.

— Коллеги, знакомьтесь, — негромко, но отчетливо произнес Ян. — Это мой друг Арчил. Он летит с нами.

— Погоди, — Тиаго хмыкнул, оглядев спутника с ног до головы. — Амиго, джунгли Суматры — это не прогулка по парку. Там пиявки размером с палец, и влажность сто процентов. Какая у тебя специализация? По какой ты части?

Ян посмотрел на притихших коллег — на педантичного Чэня, на замершего Жан-Люка, на экспрессивного Тиаго. На его губах появилась едва заметная, холодноватая улыбка человека, который людей недолюбливает, но хорошую иронию ценит.

— Арчил — специалист по этологам, — спокойно ответил Ян. — Изучает повадки, агрессию и стадные инстинкты ученых в замкнутых пространствах. Так что ведите себя естественно, коллеги, вы под наблюдением.

Тиаго подавился следующим вопросом. Вежливый Чэнь

на секунду растерялся, оценивая шутку, но, наткнувшись на невозмутимый взгляд Арчила, решил не уточнять детали.

Зато гигант Жан-Люк оценил юмор первым — он глухо, раскатисто хохотнул и понимающе кивнул Арчилу.

А Хендра, шагнувший вперед со своим кофром, посмотрел на Арчила с еще большим интересом. Гордый батак понял: этот чужак будет очень полезен в джунглях. Он протянул Арчилу жесткую, как кора, ладонь:

— Хорошая специализация. Ученые в джунглях часто ведут себя глупее диких обезьян. Рад видеть на Суматре, Арчил... — и повернулся ко всем остальным: — Нас ждет вертолет. Как вы и просили, он высадит нас у каучуковых плантаций.

...

Вертолет улетел, оставив после себя оглушительно звенящую тишину тропического леса и плотный, как кисель, туман. Группа осталась один на один с Батанг-Тору.

Ближе всех к Хендре оказался Арчил. Пока Тиаго шумно отряхивал штаны, он спокойно подошел к суматрийцу, чуть склонил голову в знак приветствия — сдержанно, но с тем глубоким уважением, с каким мужчина заходит в чужой дом, — и негромко произнес:

— Твоя земля, командир. Говори, что делать.

Хендра едва заметно улыбнулся. Он оценил этот жест.

Взгляд его потеплел, и он кивнул грузину как равному, признавая в нем старшего среди гостей.

— Арчил, сейчас мы все станем вдоль границы плантации на расстоянии и пойдем вперед. Идем молча, медленно и внимательно оглядываемся. Если кто-то увидел что-то интересное — показывает лазерной указкой на ближайшее к зверю дерево: если зеленая точка движется вверх — зверь на дереве, если вниз — на земле. Ты смотришь в объектив камеры и фиксируешь. Еще тебе помогут микрофон-пушка и тепловизор — у тебя есть?

— Есть, я взял на его долю, — вмешался Ян.

— Отлично. Арчил, иди между мной и Яном, мы тебя подстрахуем. Но Чэнь вряд ли что-то особенное заметит, он ориентирован на слонов, а вот Тиаго вполне может углядеть черную плюющую кобру, да и Жан-Люк — лапундеров.

— Можно я сначала деревья рассмотрю? Никогда не видел каучуковые деревья.

— Конечно. Они называются гевеи. Видишь, под надрезом прикреплены кокосовые чаши — вот в них и стекает густая, молочно-белая капля. Это и есть каучук.

— Надо же — а воняет сыростью и уксусом...

— Все, двигаемся. Очень тихо. Впрочем, сначала посмотри на это чудо — видишь, Жан-Люк к нему уже подбирается. Это свиная макака — лапундер.

На поваленном бревне сидела крупная, коренастая обезьяна с мощными челюстями, оливково-бурой шерстью и ко-

ротеньким, задорно загнутым вверх хвостиком, прямо как у свинюшки. Она и не собиралась убегать, скорее рассчитывала прогнать людей: пристально смотрела в глаза, широко открывала рот, обнажая клыки, и ритмично трясла ветку.

— Не будем ее тревожить. Пойдем дальше.

Вскоре Арчил заметил зеленый луч — он не двигался вверх или вниз, а очертил круг.

— Не подходи, там кобра. — прошептал Ян. — Последи за ней в камеру — она может плюнуть в Тиаго или еще кого-то.

Но кобра плевать не стала, а просто уползла. Арчил пожегся — он не хотел бы с ней познакомиться.

Некоторое время Гугунава ничего не замечал из-за легкого движения листвы, а потом кто-то резко, по-птичьи, закричал на соседнем дереве: «чик-чик-чик». Он поднял голову: небольшой зверек (чуть крупнее нашей обычной белки) со светло-коричневой спинкой и черными полосами по бокам сидел на ветке и щелкал семенами.

— Это прекрасная белка — она так и называется. Посмотри наверх, над ней тоже кое-кто сидит. — указал Вагнер.

Изящная маленькая обезьянка со смешным хохолком на голове и огромными глазами сидела на верхней ветке, флегматично пережевывая листья гевеи.

— Это лангур.

Вдруг раздался резкий, сухой, похожий на трещотку лающий звук. В ту же секунду Арчил увидел, как высоко в кронах взорвался каскад движений. Семья лангуров сделала се-

рию отчаянных, бесшумных прыжков, буквально перелетая из «прозрачной» плантации под защиту густой, многоярусной листвы дикого леса. А потом...

...над ним пролетело что-то огромное, почти метр в длину, желтое с черными лапами. Гугунава отчаянно направил луч указки на дерево, на которое приземлился великан, и повел им вверх. На телефоне высветилось сообщение Вагнера: «Это ратуфа, гигантская белка». «Интересно, какого размера орешки она щелкает», — подумал изумленный Арчил.

Постепенно все приблизились к лесу. Когда Хендра и Арчил перешагивали через дренажную канаву, отделяющую плантацию от подлеска, из сухой травы с шумом и треском вырывался двухметровый чешуйчатый «дракон» с мускулистым телом, мощными лапами, длинным хвостом и раздвоенным «змеиным» языком. Варан грелся на утреннем солнышке, люди застали его врасплох, и могучий ящер стремительно, извиваясь всем телом и громко шипя, ушел в густые заросли леса, оставляя за собой целую просеку в траве.

В паре метров от них, у края раскисшей тропы, Ян поправлял ремень своего рюкзака, рядом высился Жан-Люк. Гигант из Конго стоял неподвижно, прислонившись спиной к стволу фикуса, и просто смотрел вверх, на кроны деревьев, дыша в один такт с лесом. От него веяло таким монументальным, чистым спокойствием, что Вагнер впервые за весь день расслабил плечи. Он подошел ближе, встал рядом и тоже поднял глаза к небу. Жан-Люк не повернул головы, не нарушил ти-

шину дежурным вопросом — он просто подвинулся на полшага, делясь с Яном своей тенью и своим молчанием. И Вагнер понял: с этим парнем в джунглях можно иметь дело.

А Чэнь Вэй, на ходу достав блокнот, быстрым шагом направился к краю леса. На обочине тропы высилась монументальная свежая «лепешка» суматранского слона. Китаец с профессиональным азартом опустил перед ней на корточки, поправляя очки и внимательно разглядывая недожеванные волокна гевеи.

Арчил, закинув на плечо свой рюкзак, подошел сзади, оглядел эту живописную картину, хмыкнул и добродушно похлопал Чэнь Вэя по плечу:

— О, почтенный Чэнь, я смотрю, у нас много общего! Мы в Следственном комитете тоже, бывает, какашки изучаем. Так что я Вас прекрасно понимаю, коллега! По запаху определим, куда этот беглец направился?

Ян Вагнер, услышав это, только схватился за голову, а Чэнь Вэй удивленно обернулся, но, переведя взгляд с серьезного лица Арчила на ухмыляющегося Яна, вдруг весело заулыбался. Похоже, «эксперт по этологам» ему понравился.

— Ну, что ж, друзья, мы вступаем в нижний лес. — сказал торжественно Хендра. — Вот и наша первая стоянка. Давайте пообедаем и начнем обустраиваться. В честь официального открытия экспедиции нам завезли сюда праздничный обед.

Праздничный обед состоял из жареного риса с яйцом, чес-

ноком, чили и зелению, тушеной в специях и кокосовом молоке свинины с карри, острой пасты из перца чили и томатов, потом настоящая роскошь — папайя, бананы и маракуйя. А венцом трапезы стал крепкий местный черный кофе...

Усталые и сытые, экспедиционщики развесили гамаки и устроили себе «тихий час» — длился, правда, он подольше — у всех, кроме Хендры, позади был еще и ночной перелет.

Вокруг высились гигантские деревья с огромными корнями, за которыми можно спрятаться стоя в полный рост. Воздух густой, как в теплице, пахнул прелой листвой, сырой землей и диким имбирем. Оглушительный, ровный гул цикад, похожий на работу высоковольтных проводов, убаюкивал...

...

Экспедиционный лагерь проснулся и этологи собрались на пятачке джунглей у подножия гигантского фикуса.

— Сейчас я покажу вам интереснейшее место! — провозгласил Хендра. — Здесь, на площади всего в несколько метров, кипит параллельная, многоэтажная жизнь. Заготовьте красные фонари, видеокамеры и блокноты.

Опускались ранние сумерки. Воздух стал липким и влажным, а между гигантскими корнями фикуса поползли густые синие тени. Для исследователей, замерших у подножия дерева, это был самый захватывающий час — час «великой пе-

ресменки», когда дневные хозяева леса уступали место ночным.

Группа этологов работала слаженно, разделив гигантское дерево по вертикальным этажам. В самом низу, у корней, Чэнь и Жан-Люк на коленях подсвечивали подстилку красными фонарями. Там, шурша сухими листьями, идеальным строем двигался «спецназ» джунглей — кочевые муравьи. Они шли плотной, дисциплинированной фалангой, волоча добычу — огромную ядовитую многоножку. Рядом, на трухлявом пне, замер одиночный муравей-капкан. В темноте его челюсти были распахнуты на 180 градусов; стоило испуганному насекомому задеть его усик-триггер, как раздавался сухой щелчок — капкан захлопнулся, и от силы отдачи муравей вместе с добычей катапультировался назад, скрывшись в траве.

Чуть выше, на уровне глаз, у самого ствола стояли двое других: Ян и Арчил.

Они подняли головы. Высоко в ветвях просыпался «верхний город». Почувствовав прохладу, рыжие муравьи-ткачи спешно сворачивали дневные патрули и втягивались в свои висячие гнезда из листьев. Но на узких ветках они то и дело сталкивались с муравьями-камикадзе, выползающими из полых сучьев. Произошел беззвучный, но смертельный конфликт: один из камикадзе, зажатый ткачами, резко сократил брюшко и взорвался, окатив агрессоров липким ядовитым секретом. Ткачи замертво полетели вниз, прямо к ногам уче-

ных.

А на самом стволе фикуса, где дежурили Тиаго и Хендра, образовалась настоящая пробка. Сверху вниз бежали запоздавшие ткачи, а навстречу им из подземных глубин уже поднимались угольно-черные гиганты. Три сантиметра бронированного хитина против быстрой рыжей массы.

Арчил проводил взглядом черного солдата-гиганта, который одним ударом челюстей перекусил пополам рыжего ткача, посмеявшегося встать у него на пути, и негромко хмыкнул:

— Знаешь, глядя на этот парад, я вспомнил наше прошлое дело с муравьями. Читал тут отчет одного оборонного стартапа — они пытаются делать полностью синтетических роботов-муравьев для разведки. Внешне — один в один.

Ян оторвался от инфракрасного бинокля и скептически прищурился:

— Игрушка. Очередной распил военного бюджета.

— Почему?

— Да потому что разработчики скопировали форму, но упустили суть, — Ян кивнул в сторону дерева. — Один муравей в природе не существует. Муравей — это не особь, это пиксель на экране, клетка организма. Создав одного, пусть даже гениального микроробота, ты получишь слепого калекку. Без коллективного разума, без этой ежесекундной сетевой координации, без химического облака феромонов он застрянет в первой же текстуре или расшибется о кору. Ткачи вон цепи из своих тел строят, кочевники внизу — жи-

вые шары-дома создают. Моделировать одного муравья бессмысленно — нужно моделировать весь муравейник, а такие вычислительные мощности в один микрочип не засунешь.

Арчил хитро улыбнулся и указал фонариком на ствол, где величественно и медленно переставлял лапы трехсантиметровый угольный титан:

— Хм, в общем-то ты прав. Для ткачей или кочевников один робот — это мусор. Но посмотри на этого парня. Вот под этих, которые сами по себе, запустить шпиона, пожалуй, можно.

— Под гигантов? — Ян присмотрелся к насекомому.

— Ну да. Они же интеллектуалы-одиночки. У них индивидуальное расписание, отличная зрительная память, они сами принимают решения на маршруте и не ждут команд от центрального процессора колонии. Если запрограммировать робота под алгоритмы, дать ему хорошую автономную нейросеть и отправить на одиночную ночную разведку по фиксированному треку — он идеально мимикрирует под ландшафт. Главное — близко к их подземным базам не подходить, где проверку запахом не пройти. — прокомментировал Хендра.

— Пожалуй, — согласился Ян, снова возвращаясь к прибору. — Одиночный шпион с повадками гиганта — это уже заявка на успех. Профессионально мыслишь, товарищследователь...

Когда «великая пересменка» завершилась и джунгли

окончательно утонули в глухой тропической ночи, группа собралась под навесом базового лагеря. Этологи ждали появления циветт. Экспедиционные фонари горели вполнакала, привлекая миллиарды мошек. Ян, заваривая крепкий кофе на походной горелке, подкинул тему их недавнего спора с Арчилом.

Дискуссия вспыхнула мгновенно.

— О, идея скрестить робота и муравья — это классический западный прагматизм, — отозвался Хендра, аккуратно протирая линзы очков. — Но с инженерной точки зрения биогибриды — это тупик и этическое преступление. Мы берем живое существо, идеальный продукт эволюции, и превращаем его в безвольный протез для наших шпионских или военных нужд. Ломаем нервную систему ради того, чтобы засунуть микрофон в чужую спальню? Это извращение самой сути науки. Мы должны копировать природу, создавать полностью синтетические нано-рои, а не насиловать живую плоть кремнием.

— Ну, ты как всегда идеалист, — белозубо усмехнулся Жан-Люк, подливая себе чай. — Для тебя это «извращение плоти», а для крестьян — вековая практика. Человек всегда запрягал природу в свои телеги. Какая разница, привязал ты вола к плугу или припаял электрод к усику муравья? Цель — то одна — выживание нашего вида.

— Использовать естественное поведение в сельском хозяйстве и насильно перепрошивать мозг — это разные вещи,

Жан-Люк, — вкрадчиво вступил в спор Чэнь. Он задумчиво крутил в пальцах пустую чашку. — Если технология киборгизации спасет хотя бы одного ребенка — я лично подпишу документы на чипирование миллиона насекомых. Для меня человеческая жизнь всегда будет стоять выше, чем нервный узел членистоногого. Но грань действительно тонка. Сегодня мы управляем муравьем, завтра — крысой, а послезавтра оборонные ведомства захотят «подкрутить» нейросети человеку, чтобы вырастить идеального солдата.

— Вот-вот, именно этого я и боюсь, — подал голос Тиаго, устраиваясь на бревне рядом с Арчилом. — Как этолог я согласен с Чэнем в вопросах спасения людей, но как ученый я вижу главную опасность в нашей гордыне. Человек думает, что он умнее системы. Мы пытаемся взломать код, который создавался миллионы лет. Но природа мстит за такие вмешательства. Стоит выпустить чипированный рой в дикуую среду, и местные виды — те же кочевники или ткачи — сожрут ваших шпионов вместе с нано-чипами, а потом вырабатывают иммунитет или изменяют поведение так, что мало не покажется.

Арчил молча слушал их, переводя взгляд с экспрессивно-го бразильца на спокойного китайца. Он смотрел на мир без академических иллюзий.

— Вы спорите о высокой морали и будущем планеты, господа, — негромко произнес он, и все этологи притихли, повернувшись к Гугунава. — А на моей практике всё выглядит

куда приземленное. Если преступник или террорист поймет, что может использовать управляемого муравья, чтобы протащить каплю рицина в вентиляцию охраняемого объекта — он это сделает. И плевать ему на этику Хендры или экосистемы Яна. Вопрос не в том, можно ли использовать животных. Вопрос в том, что мы, люди, будем делать, когда биохакинг станет доступен любому фанатику с паяльником и биологическим справочником.

— Вы зря улыбаетесь, Тиаго, — Хендра резко подался вперед, и в его глазах блеснул ответ костра. — Вопрос ведь не в муравьях. Вопрос в нашей фундаментальной этике. Мы, люди, провозгласили, что человеческая жизнь априори важнее любой другой жизни на этой планете. Это и есть наша главная ошибка. Кто дал нам право решать, можно ли убивать природу ради комфорта или даже ради спасения людей?

— Послушайте, Хендра, — Чэнь вздохнул, его голос оставался тихим, но в нем появилось стальное напряжение. — Если на одной чаше весов лежит жизнь больного ребенка, а на другой — редкий эндемичный вид муравьев или вековой фикус, я без колебаний сожгу этот фикус. Любой нормальный человек так поступит. Наш вид обязан защищать себя. Это закон эволюции.

— Эволюции? — Хендра горько усмехнулся. — Нет, Чэнь, это закон паразита. Паразит тоже думает только о своем выживании, пока не убивает хозяина. Мы последовательно уничтожаем экосистему Земли ради медицины, ради космо-

са, ради безопасности, оправдывая это «высшей ценностью человеческой жизни». Но скажите мне, как этолог этологу: сможет ли человек вообще выжить, окончательно убив природу? Когда мы выжжем последний лес и закатаем в бетон последнюю колонию, что останется от нас?

Над костром повисла тяжелая тишина. Было слышно, как в темноте джунглей кричит какая-то ночная птица.

— Мы улетим, — тихо, почти безжизненным тоном произнес Ян.

Все повернулись к нему. Он смотрел на огонь, обхватив колени руками.

— Если мы доживем до этого момента, наши технологии позволят нам мигрировать на другую планету, — продолжил Ян, подняв глаза на коллег. — Марс, Луна, экзопланеты... Мы построим там новые стерильные купола. Но знаете, что самое страшное? Мы ведь не изменимся. Мы притащим туда тот же самый менталитет «высшей ценности». Мы высадимся на новой планете и начнем убивать природу и на ней. Будем бурить, взрывать, перекраивать под себя местную биосферу, если она там окажется. Человек превратился в космическую саранчу, которая оправдывает любой геноцид иных видов заботой о собственном потомстве.

Арчил молча слушал Яна. Как следователь, он каждый день видел, на что способны люди ради своей выгоды, но масштаб этой космической перспективы заставил даже его поежиться.

— Значит, наш удел — вечная экспансия и уничтожение?
— негромко спросил он.

— Пока мы не поймем, что мы — часть этой паутины, а не её хозяйева, — ответил Жан-Люк, глядя в темноту, где на стволе фикуса продолжали свой невидимый ночной дозор черные гиганты Суматры. — Человечеству пора научиться отступать и уступать место другим. Иначе наш финал будет закономерным — мы просто задохнемся в собственной стерильности...

— Давайте готовиться к встрече с циветтами. Тут важно не забыть приборы ночного видения, налобные красные фонари и аудиотехнику — я надеюсь «разговорить» бинтуронгов... — Хендра резко встал и сосредоточился. — И познакомить вас с главными «производителями» самого дорогого кофе в мире. Они поедают спелые кофейные ягоды, мякоть переваривается, а сами зерна ферментируются у них в желудке под действием энзимов и выходят естественным путем.

— Фуу... — фыркнул Арчил. — Как он называется, чтоб я его случайно не купил?

Все засмеялись, а Ян похлопал его по плечу:

— Не беспокойся, твоя мать не даст тебе потратить столько денег на непонятный кофе, когда она и так очень вкусный варит!

Группа выдвинулась в джунгли сразу после захода солнца. Ян расставил вдоль звериных троп «заманивающие» марке-

ры. Это запах бананового сусли и мускуса — на него зверьки прибегают к дереву, где установлены скрытые камеры.

Ветви фикуса бесшумно раздвинулись. В лучах ИК-подсветки появилось гибкое, пятнистое тело мускусной циветты с длинным хвостом и огромными, светящимися в темноте глазами. Она двигалась невероятно грациозно, балансируя на высоте трехэтажного дома.

Циветта подошла к маркеру Яна, приняухалась, а затем прижалась задом к коре дерева и «протянула» тело вперед, оставляя свой мускусный след поверх маркера. Она заявила свои права на это дерево.

Арчил и Ян сидели в засаде чуть в стороне. Арчил приняухался: тропический воздух сумерек вдруг наполнился странным, тяжелым, но парадоксально приятным мускусно-медовым ароматом с нотками кофе.

— Пахнет как в дорогом парфюмерном магазине, — шепнул он.

— Это циветин, — так же шепотом ответил Ян, не отрывая взгляда от тепловизора. — Основа для половины элитных французских духов. Стойкость феноменальная — этот запах не смыть ни водой, ни мылом недели две. Для циветты это паспорт и личная подпись. Но для нас с тобой в СК... знаешь, чем это интересно?

— Тем, что по такому запаху преступника можно выследить даже без служебной собаки?

— Именно. Если человек случайно испачкает одежду или

обувь в свежей метке циветты, он станет ходячим маяком для половины ночных хищников. Для них он будет пахнуть как наглый чужак, зашедший на их территорию. Давай я соберу немного в пробирку — вдруг пригодится...

И он не ошибся...

Вторым на ветку фикуса бесшумно, как тень, выскочил мусанг. Его пятнистая шкурка идеально слилась с листвой. Он действовал молниеносно, схватил спелые плоды инжира, жадно разгрыз их, испачкав мордочку сладким соком. Наткнувшись на камеру-ловушку этологов, смешно замер, потом перебрался на ветку прямо над платформой, припал к ней и внимательно, не мигая, наблюдал за людьми круглыми кошачьими глазами. Потом внезапно издал низкое, утробное рычание, переходящее в сухое шипение (очень похожее на кошачье, но более хриплое), фыркнул и исчез в темноте верхнего яруса. Все выдохнули.

Вскоре ветки дерева начали тяжело трещать. Из темноты медленно вылез огромный, лохматый черный силуэт с длинными белыми усами и кисточками на ушах. Бинтуронг не шел, он буквально переползал с ветки на ветку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.